
Б. П. ШУЛЫНДИН

РОССИЙСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ И ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ ПРОГРЕСС

В философии истории сложилось большое число моделей исторического процесса, которые можно объединить в две наиболее влиятельные к настоящему времени и в определенной мере противоположные концепции – «формационную» и «цивилизационную». В соответствии с первой из них развитие общества рассматривается как некий «линейный» процесс прохождения всеми этносами и странами некоторых общих ступеней общественного развития – «формаций», каждая из которых представляет собой некое органическое единство составляющих ее элементов и сторон и характеризуется своими качественными особенностями общественных отношений. К формационным концепциям в широком смысле можно отнести не только теорию общественных формаций (и общественно-экономической формации) К. Маркса, в которой для обозначения стадий развития человеческого общества непосредственно используется термин «формация» (а основой формации считаются материальные общественные отношения), но и концепцию О. Конта, а также известные западные теории, возникшие в XX веке – «стадий экономического роста», «единого индустриального общества», «постиндустриального общества», «технотронного общества». В соответствии с цивилизационной концепцией развитие каждой страны и каждого этноса представляет собой последовательное прохождение ими стадий формирования, расцвета и упадка при сохранении на всех этих стадиях некоторых свойственных этой

стране и этносу качественных – «цивилизационных» характеристик (прежде всего, ценностно-культурного плана). К теориям этого типа относятся, например, теории цивилизаций А. Тойнби, «культурных типов» Н. Я. Данилевского, всякого рода концепции «исторического круговорота».

Соответственно двум этим типам теорий исторического процесса можно выделить и два подхода к изучению реальной истории человечества и каждой отдельной страны – формационный и цивилизационный. При использовании первого внимание исследователя сосредоточивается на характеристике общих черт и этапов развития разных стран при абстрагировании от особенностей каждой из них, которые лишь иногда (и то на заключительном этапе исследования) принимаются в расчет и дополняют общую картину изменений «формационного» характера. При использовании второго исследователь обращает внимание прежде всего на характерные *особенности каждой страны или определенной группы стран, существующие на всех этапах их исторического развития*, абстрагируясь от различий этапов их исторического существования, и только иногда завершает исследование анализом этих различий. Хотя при использовании каждого из этих подходов, как было отмечено, на заключительной стадии исследования в ряде случаев явно или неявно используется и противоположный подход, все-таки эти подходы применяются достаточно изолированно и механически дополняют друг друга.

Между тем диалектический метод, получивший широкое распространение в разных областях науки и дающий в них плодотворные результаты, при его применении к анализу исторического процесса требует органического соединения противоположностей, каковыми являются формационный и цивилизационный подходы, формационная и цивилизационная концепции, причем такого соединения, основой которого являются некоторые объективные факторы исторического развития стран и этносов. Только в этом случае может быть получена достаточно полная и действительно научная картина реального исторического процесса. При реализации такого «синтетического», свободного от

крайностей подхода существенное эвристическое значение может иметь понятие «формационно-цивилизационного резонанса».

Суть «синтетического» подхода и понятия «резонанса» в следующем. Взаимосвязанные между собой характеристики той или иной конкретной цивилизации формируются и подкрепляются относительно постоянными и объективными по отношению к ней природно-географическими и геополитическими условиями исторического существования определенной страны, группы стран, этноса (или суперэтноса). Формационные же характеристики, определяющие степень исторического развития страны, группы стран, этноса или суперэтноса, зависят от достигнутого уровня технологического развития, общественного производства. Исторический процесс в целом представляет собой «движение» человеческого общества, состоящего из взаимодействующих между собой цивилизаций (располагающихся по оси «абсцисс», характеризующей разные цивилизационные признаки), от одной формации к другой (вдоль оси «ординат», на которой располагаются формационные признаки). В этой своеобразной «сетке координат» существуют особые точки «формационно-цивилизационного резонанса», в которых формационные характеристики оказываются в наибольшей степени органично соответствующими, «комплементарными» цивилизационным характеристикам, что обеспечивает наиболее быстрое развитие той или иной цивилизации в «полосе резонанса» по сравнению и с другими этапами ее собственного развития, и с другими цивилизациями. Цивилизационные характеристики являются существенно более консервативными, чем формационные, что определяется не только тем, что природно-географические и геополитические условия развития этноса, как правило, менее изменчивы, чем технологический фактор, но и тем, что они по самой своей сути характеризуются большей степенью преемственности в своем развитии (прежде всего, за счет того, что каждое новое поколение воспитывается в культурной среде предыдущих поколений).

Очевидно, что «резонирующими» с цивилизационными характеристиками должны быть те формационные характеристики, которые по своей сущности, содержанию (обобщенно выражающим требования к деятельности людей) подобны формационным характеристикам, складывавшимся при зарождении данной цивилизации. Причем, поскольку для исторического прогресса характерна определенная периодическая повторяемость (диалектический путь «отрицания отрицания»), постольку та или иная цивилизация может неоднократно «проходить» через периоды «формационно-цивилизационного резонанса». На этапе отсутствия такого резонанса развитие страны (этноса, суперэтноса) происходит относительно медленно, она все больше отстает в темпах своего развития от тех стран, для которых этот резонанс имеет место. При значительной исторической продолжительности такого этапа и соответствующих геополитических условиях страна вообще может потерять свою цивилизационную самобытность (т. е. исчезнуть как определенная цивилизация).

Поскольку субъектом, «делателем» истории всегда является человек, деятельность которого и приводит к развитию общества, страны, этноса, постольку и формационные, и цивилизационные характеристики влияют на исторический процесс именно через деятельность людей, прежде всего, через соответствующие стереотипы этой деятельности и мышления, которые охватываются понятием менталитета. Менталитет можно определить как *систему стереотипов мышления, деятельности и поведения, вытекающую из определенной системы ценностей и приоритетов, определяемую относительно постоянными объективными условиями*. Цивилизационным менталитетом (менталитетом этноса) можно назвать такую *систему стереотипов мышления, деятельности и поведения, которая вытекает из относительно постоянных природно-географических и геополитических условий формирования и существования данной цивилизации (данного этноса) и обеспечивает сохранение, выживание этой цивилизации (этноса) в этих условиях*. Поэтому формационно-цивилизационный резонанс должен выражаться, в частности, в соответствии ци-

визационного менталитета тем требованиям, которые объективно предъявляются к менталитету человека достигнутым уровнем технологического развития общества и выполнение которых обеспечивает поддержание этого уровня и дальнейшее технологическое развитие цивилизации.

Характерным историческим примером формационно-цивилизационного резонанса, соответствия цивилизационного менталитета требованиям технологического развития является бурное развитие западной цивилизации в период формирования и расцвета буржуазного общественно-экономического строя, который, в свою очередь, способствовал определенному развитию и «сдвигу» и цивилизационных характеристик. Этот строй оказался, однако, недостаточно адекватным характеристикам многих других цивилизаций – китайской, индийской, мусульманской, российской.

Попытаемся проанализировать степень соответствия, «резонирования» цивилизационных характеристик России и формационных характеристик, требуемых современным этапом технологического развития человечества на границе веков и тысячелетий. Для этого необходимо, прежде всего, выяснить, что представляют собой *природно-географические, геополитические и технологические факторы развития общества*, определяющие цивилизационные и формационные характеристики общества.

Природно-географические условия, в которых развивается общество, это то состояние природной среды, в которой существует данное единое, объединенное государством (в государство – если использовать российское понимание государства) общество. Эти условия, как правило, наиболее постоянны для данного конкретного общества.

Понятие геополитических условий более сложное. Для определения понятия «геополитические условия» полезно ввести сначала понятие, характеризующее субъекты, взаимоотношения которых образуют эти условия, и испытывающие влияние этих условий, – географически локализованной социальной общности (геосоциальной общности, геообщности). Если под социальной общностью обычно

понимается совокупность людей, обладающих одним или несколькими сходными социальными признаками (признаками социального происхождения), то геосоциальной общностью следует называть *локализованную на определенной территории совокупность людей, обладающих сходными социальными признаками, сформировавшихся под влиянием совместной жизни на общей территории*. Следует обратить внимание, что речь здесь идет не о всяких социальных общностях, локализованных на определенной территории (такой общностью является, например, любая социальная группа или общественный класс в определенном государстве), а о таких и только таких социальных группах, которые объединяют людей *лишь* по тем общим для них социальным признакам, которые *сформировались вследствие их совместной жизни на той или иной территории*. Причем важно учесть, что территория, на которой ныне живет данная геосоциальная общность, может быть отличной от той, на которой ранее формировались социальные признаки, по которым выделяется данная общность.

К типам общностей, относящихся к геосоциальным, можно отнести: государство, этнос (в том числе – нацию), суперэтнос. В широком смысле (соответствующем традициям российской общественно-политической мысли) государство – это не просто определенная система организации членов общества или, тем более – чиновничий аппарат, а общность людей, объединенных единой иерархической системой управления, в наибольшей степени, в силу своей легитимности, обладающей способностью управления данной общностью (в том числе, с использованием принуждения, насилия), включающей особую группу людей, профессионально занятых в этой системе, и осуществляющей управление людьми по территориальному признаку. Конечно, государство можно понимать и в более узком смысле как *саму организацию* людей, входящих в государство в широком смысле. Этнос – это общность людей, имеющих общий язык и общую культуру, сформировавшиеся в результате их совместной жизни (на одной территории). Суперэтнос – это «симбиоз» этносов, приобретших некоторые

сходные социальные признаки вследствие их совместной жизни на определенной территории.

Геополитические условия и имеет смысл рассматривать только применительно к геосоциальным общностям. При таком подходе под геополитическими условиями следует понимать не природно-географические условия, влияющие на политику государства (это влияние ошибочно, по нашему мнению, считают обычно предметом геополитики как научной дисциплины), а *социо-географическое место, положение данной географически локализованной социальной общности среди других географически локализованных общностей* (этносов, суперэтносов, государств). Характеристика этого положения включает следующие моменты, стороны: плотность населения, представляющего данную геообщность, на территории ее проживания; доли населения других геообщностей, проживающих на той же территории; перечень и географическое местоположение географически локализованных общностей – «соседей», близкого и дальнего окружения; их социальное устройство, культура, менталитет в сравнении с данной общностью; степень «пригодности» естественно-природных географических границ для контактов того или иного рода данной общности с «соседями» и другими общностями (важно, например, является ли границей между геообщностями река, море, океан, непроходимые горы, или граница не проходит ни по каким естественно-природным рубежам). Эти условия также достаточно постоянны, хотя и более изменчивы, чем природно-географические.

Наконец, технологические условия – это тот уровень развития технологии и ее использования в общественном производстве, который достигнут за счет труда предшествующих поколений.

Какие же цивилизационные черты должны были сформироваться (и сформировались) у русского этноса и российского суперэтноса в природно-географических и геополитических условиях существования России?

Поверхностный анализ черт российской цивилизации, российского менталитета может привести и приводит к

представлению о его крайней противоречивости и неистинности. Но такого обманчивого представления можно избежать, если, следуя требованиям научного, объективного подхода, эти черты рассматривать как единую систему, «выводимую» из достаточно постоянных природно-географических и геополитических условий существования и развития русского народа, всего российского суперэтноса и российского государства. Такой подход позволяет выделить следующие базовые черты российской цивилизации и российского менталитета, которые находятся в органической взаимосвязи между собой: в аспекте отношения личности к сверхличностному – это *духовность*; в аспекте отношения личности к обществу – «*общественность*»; в аспекте межличностных отношений, отношения личности к другим личностям – *коллективизм*. Рассмотрим эти базовые черты российского менталитета более подробно (схема взаимоотношений этих черт в той форме, как она представлена ниже, разработана совместно с А. Н. Курячевой).

Духовность. Эту черту часто совершенно неправомерно трактуют либо как интеллектуальность, уровень образования, объем знаний человека, либо как погруженность человека в свой собственный мир, отрешенность его от активной деятельности, либо, наконец, как профессиональную деятельность, связанную с творчеством (в сфере науки, искусства). В современной философской литературе практически не разрабатывается и не используется понятие духа, с которым, по нашему мнению, следует связывать духовность. В философии существует понятие сознания, характеризующее способность обладающего им субъекта (человека) противостоять окружающей среде, приспосабливать ее к своим потребностям (в то время как животное целесообразно реагирует на факторы внешней среды, обеспечивая свое выживание и выживание своего вида путем приспособления своего организма к внешней среде). Обладающий сознанием человек способен поэтому «выходить» за рамки ситуационной ситуации. Понятие же духа (например, у Гегеля) связано с выходом вообще за рамки ограниченной пространственными и временными рамками жизни отдель-

ного индивида. С нашей точки зрения, духовность и следует определять как *способность индивида в своей деятельности сознательно или бессознательно выходить за рамки своей собственной жизни, своего собственного индивидуального существования, ставить перед собой и реализовывать цели и задачи, не связанные с поддержанием своего собственного существования, поддержанием и улучшением условий своей индивидуальной жизни*. Именно такая черта неизбежно должна была выработаться у русских в целях выживания своего этноса на бескрайних и не защищенных никакими естественными природно-географическими границами просторах Евразии, в условиях геополитического давления как с запада, так и с востока. В современных условиях эта черта российского менталитета «размывается», в значительной мере – искусственно, и не является массово распространенной, однако, она не перестает быть чертой русского (не россиян) менталитета, поскольку если она не проявится в полную силу (геополитические условия развития России со времен Киевской Руси изменились не так уж существенно), русский этнос и Россия как государство и особая цивилизация могут просто исчезнуть.

Охарактеризованная базовая черта менталитета находит выражение в ряде конкретных черт, к которым можно отнести такие, как: *стремление к вере; стремление, прежде всего, к духовным ценностям и относительное безразличие к ценностям материальным; способность проявлять терпение в неблагоприятных социальных и природно-климатических условиях*.

Поскольку духовность означает способность индивида выходить за рамки всей его собственной жизни, постольку она предполагает существование каких-то высших ценностей и сущностей, лежащих вне жизни человека. Эти ценности и сущности в принципе не могут быть познаны отдельным человеком эмпирически в течение всего ограниченного периода его жизни, они могут быть только предметом веры. Именно поэтому духовность предполагает веру, стремление человека к вере в существование высших ценностей и сущностей. Для человека эти ценности и сущно-

сти, лежащие вне жизни индивида, не могут быть предметом какого-то материального интереса, поэтому человек, обладающий духовностью и стремящийся к вере, неизбежно стремится, прежде всего, к духовным ценностям и относительно безразличен к материальным условиям своего существования. Если же материальные условия жизни для человека – не главное, то он будет способен проявлять терпение ради достижения высших целей.

«Общественность» («государственность»). История научила русских, что обеспечить их выживание как этноса в условиях его рассеянности по огромным территориям Евразии, самостоятельность и независимость российского общества и государства может только приоритет общественных интересов над личностными и узкогрупповыми, только сильная государственная власть, способная обеспечить проявление коллективизма, встать самой и мобилизовать, а порой и заставить всех членов общества подняться над сиюминутными интересами каждого отдельного индивида, одной социальной группы и даже интересами всего ныне живущего поколения. Очень точно определил отношение русских к государству Ф. Нестеров, который писал: «Вот... ключ к пресловутой русской загадке. Он кроется в особом отношении русского народа к своему государству, в безусловном служении ему... Русские «чувствуют себя частицей одной державы». Для нее, если требовалось, они оставляли на произвол судьбы нажитое добро, поджигали свои дома, оставляли на гибель родных и близких, отдавали ей столько крови, сколько нужно, чтобы выволить ее из беды. Взамен платы не спрашивали – они не наемники. Таким-то узлом и завязалась Россия»¹.

Вообще, анализируя развитие человеческого общества, можно обратить внимание на то, что уже с давних времен, с момента формирования цивилизаций, классовых обществ это развитие происходит как бы тремя ветвями, относительно параллельными путями, которые можно назвать западным (западно-европейским), восточным (азиатским) и

---

¹ Нестеров Ф. Связь времён. Опыт исторической публицистики. Изд. 3-е. М., 1987. С. 86.

российским (евразийским), причем различие между этими тремя путями связано именно с различием той роли, которую играет в обществе, в общественных отношениях государство. В Западной Европе развитие общества происходило в условиях господства частной формы собственности (на рабов, землю и средства производства – в эпоху рабовладения, на землю – в эпоху феодализма, на средства производства – при капитализме), а государство было надстроечным элементом, хотя и выполняющим функции высшего легитимного (а потому обладающего правом на использование насилия) организатора общественной жизни. На Востоке в условиях господства государственной формы собственности (на рабов, землю, средства производства) государство являлось системообразующим фактором экономической и всей общественной жизни. Если на Западе государственный аппарат был выразителем интересов экономически господствующих общественных слоев, то на Востоке он сам был экономически господствующим слоем. Это различие в положении государства на Западе и Востоке сложилось при самом зарождении соответствующих цивилизаций (классовых обществ) и государств и определялось, конечно, прежде всего, различием природно-географических и геополитических условий (поскольку экономические отношения только складывались). Известно, что толчок формированию государств на Востоке дала, в первую очередь, потребность в координации усилий членов общества для строительства и поддержания функционирования больших ирригационных систем, которые не могли успешно развиваться и поддерживаться в рабочем состоянии в условиях частной собственности на рабов и землю. На Западе объективной потребности в активном участии государства в хозяйственной деятельности не было, и хозяйственная деятельность как таковая была относительно обособлена от государства.

Формирование российской цивилизации происходило в условиях расселения восточнославянских племен по обширной, слабо заселенной, с холодным континентальным климатом территории центра Евразии, не защищенной ни-

какими естественно-географическими границами и подвер-гающейся этнической экспансии больших кочевых племен с Востока и религиозно-культурной экспансии племен и государств Запада. Эти условия объективно не требовали постоянного участия государства в организации текущей хозяйственной деятельности, но вызывали необходимость в сильной централизованной государственной власти, способной смягчать последствия частых неурожаев в отдельных регионах обширной территории государства, обеспечивать мобилизацию всего населения (причем не только восточнославянского) на защиту единого государства и оказание помощи населению отдельных регионов. Учитывая то обстоятельство, что природно-климатические условия Евразии в принципе не могли обеспечить такую высокую производительность труда и долю прибавочного продукта, как в западных странах², не приходится удивляться тому, что в управлении обществом относительно немногочисленный и значительно хуже материально обеспечиваемый, чем в Западной Европе, государственный аппарат Древней Руси и России просто вынужден был опираться на достаточно развитые механизмы общинного самоуправления. Именно эти особые условия формирования российской цивилизации, а затем – и ее развития (а не просто само по себе «промежуточное» географическое положение Руси и России между Западом и Востоком) обусловили то, что роль государства в ее рамках является не такой «большой», как на Востоке, но и не такой «малой», как на Западе. Если на Западе государство выполняло роль слуги (отдельного слоя или всего общества – по этому поводу, как известно, существуют разные точки зрения), на Востоке – роль «хозяина» общества, то в России государство должно было быть, с одной стороны, организацией всего общества, опираться на развитые механизмы самоуправления – «на общественных началах», с другой – иметь в роли «хозяина» верховную власть, в определенном смысле возвышающуюся над населением и являющуюся для этого населения чем-то

---

² См. об этом подробнее: Паршев А. П. Почему Россия не Америка? М., 1999.

сакральным. При этом государственный аппарат неизбежно занимал промежуточное положение между «молотом» в лице верховной власти и «наковальной» в лице народа и общинного самоуправления (что в отдельные исторические периоды – при усилении противоречий между верховной властью и основной массой населения – позволяло ему резко усиливать свое влияние на ход событий). Заметим, кстати, что именно такая организация власти в России привела к существенному отличию русского, российского понимания государства от западноевропейского. Если почти все западноевропейские мыслители прошлого, по существу, отождествляли государство с государственным аппаратом, то русские мыслители настаивали на понимании государства как организации всего населения (хотя и включающей органы, в которых часть населения – государственный аппарат – работает на профессиональной основе). Все живущие в России этносы и, прежде всего, самый многочисленный из них, «государствообразующий» – русский, должны были выработать в себе, в своем менталитете особое, сакральное отношение к государству – «инстинкт государственности».

Русский термин «самодержавие» (если задуматься о его этимологии) и характеризует во взаимосвязи три существенных качества государственной власти, способных обеспечить независимое существование русского этноса и российского суперэтноса: силу и мощь государства; независимость его от каких-либо внешних «иногосударственных» и «надгосударственных» сил, интересов внешних по отношению к России субъектов; относительную независимость от интересов ныне живущего населения, учет государством интересов народа как особой общности, включающей как всех ныне живущих людей, так и их предков и потомков. Именно свободолюбие (понимаемое не в индивидуалистическом смысле) как важнейшая черта российского менталитета и проявляется в особом, сакральном отношении русских к своему государству. Естественно, что таким отношением к государству государственный аппарат зачастую злоупотреблял.

Необходимо отметить, что особое отношение русских к государству было органически связано с пониманием его служебной роли по отношению к народу: государство, по народным представлениям, должно было вмешиваться в народную жизнь только там и тогда, где и когда без этого невозможно было обойтись для выживания самого народа. Общинный коллективизм, предполагавший главным регулятором взаимоотношений между людьми моральные нормы и принципы, не требовал регулирования всех сфер жизни с помощью государственных правовых установлений, и более того – зачастую такое регулирование (в силу отступления государства от интересов народа) приводило к негативным для общества последствиям. Отсюда свойственный российскому менталитету приоритет морали над правом. В том случае, когда государство переставало выполнять отведенные ему в народном мнении функции, сакральное отношение к нему сменялось резким его неприятием, возникало отчуждение народа от государства, доходившее временами до народных волнений и бунта. Как отмечал Н. А. Бердяев, «русский этатизм имел всегда обратной стороной русский анархизм»³.

Ныне население России, как показывают результаты многочисленных социологических исследований, слабо доверяет государству, однако, только решительные действия государственной власти в интересах народа и повышение ее авторитета способны, как показывает история, обеспечить выход российского общества из глубокого кризиса. Очевидна связь охарактеризованных черт российского менталитета с выделенными выше.

«Общественность» подразумевает наличие таких черт менталитета, как *отношение к труду как к обязанности перед обществом и государством; стремление к социальной справедливости, понимаемой как воздаяние государства за заслуги перед ним и обществом; отношение к собственности как к служебной, обеспечивающей возможность служения государству и обществу, отрицание*

---

³ Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990.

«священного» характера частной собственности. Исторические условия существования и развития русского этноса и российского государства с неизбежностью должны были выработать у русских понимание труда не как деятельности на благо своей семьи (и только посредством эквивалентного обмена, купли-продажи – также на благо других представителей ныне живущего поколения людей), а как именно служения народу (в широком понимании – как совокупности прошлых, нынешнего и будущих поколений) и государству. Это предполагало оценку полезности и результатов труда, в первую очередь, государством, и относительное безразличие индивида к вознаграждению за свой труд – лишь бы можно было поддерживать существование своей семьи и продолжать и дальше служить государству. Все это способствовало выработке у русских элементов уравнительности в понимании справедливости, которые сформировались еще и потому, что в суровых климатических условиях России чрезвычайно большая (по сравнению со многими другими странами мира) доля трудовых усилий общества должна была быть направлена на поддержание элементарного физического выживания людей (строительство утепленных жилищ, обогрев жилищ и производственных помещений, выращивание растений при низкой урожайности и т. д.), в силу чего не существовало объективной возможности обеспечить распределение производимых материальных благ полностью пропорционально заслугам каждого человека перед обществом (в этом случае большая часть членов общества с низким уровнем способности к труду была бы поставлена на грань физического выживания, и этнос просто не смог бы обеспечить даже собственное простое воспроизводство). Эта черта менталитета должна была с неизбежностью выражаться и в резком неприятии большого разрыва в доходах представителей разных социальных групп и в отрицательном отношении к большим состояниям, не обязанным своим происхождением деятельности человека на благо государства.

Эту черту менталитета совершенно неоправданно связывают иногда с якобы присущим русским чувством зави-

сти. Однако это чувство в большей степени присуще тем, кто ценит, прежде всего, материальный успех, что никогда не было характерной чертой русских. Как отмечал В. Шубарт, «...русскому и вообще славянам свойственно стремление к свободе, не только от ига иностранного народа, но и свободе от всего преходящего и бренного... Среди европейцев бедный никогда не смотрит на богатого без зависти, среди русских богатый часто смотрит на бедного со стыдом. В русском живо чувство, что владение означает принадлежность чему-то, что в богатстве задыхается свобода»⁴.

Коллективизм. У русских как численно достаточно большого этноса в условиях очень низкой плотности населения и тесного взаимодействия с другими этносами, проживающими на той же территории, не мог выработаться «общенациональный», «узкоэтнический» коллективизм, стремление к объединению по сугубо этническому признаку (подобное тому «чувству единой нации», которое присуще, например, немцам). Но, с другой стороны, без определенных форм коллективизма русский народ просто не смог бы сохраниться как этнос. Поэтому коллективизм русских имеет двойственный характер: это общинный коллективизм (общинность) в отношениях между «ближними» (прежде всего, в труде – «артельность») и «мобилизационный» коллективизм в отношениях между «дальними» (безотносительно к их этническим признакам). Слово «мобилизационный» использовано здесь, чтобы подчеркнуть, что коллективизм этот проявляется в полной мере лишь в чрезвычайных обстоятельствах (когда имеется угроза самому существованию русского народа и России как независимого государства) и при активных действиях по мобилизации народа общепризнанных и авторитетных групп, организаций, сил, прежде всего – государственной власти. Очевидна связь этой черты российского менталитета с духовностью, поскольку духовность по самой своей сути является анти-тезой индивидуализма.

---

⁴ Лосский Н. О. Характер русского народа // *Философия и жизнь*. 1991. № 2. С. 50.

Следует заметить, что уровень благосостояния основной массы населения, достигнутый к моменту начала «перестройки», позволял начать такие преобразования, которые могли бы постепенно привести к избавлению от имевшихся в системе распределения элементов уравнительности и к соответствующим изменениям в российском менталитете. Однако произошедшие за последние годы в России падение объемов общественного производства, ухудшение благосостояния основной массы населения и усиление социально-имущественной дифференциации снова делают необходимым усиление уравнительности в системе распределения материальных благ и существенно отодвигают историческую перспективу исчезновения стремления к уравнительности в российском менталитете.

Коллективизм как базовая черта российского менталитета включает также *способность легко уживаться с другими этносами, их идеями и системами ценностей (эту способность Ф. М. Достоевский назвал «всечеловечностью»)*. Эта черта неизбежно должна была выработаться у русских в процессе продвижения по огромной территории к естественным географическим границам при низкой плотности населения на освоенных русскими землях. Для их обустройства и защиты границ нельзя было обойтись без сотрудничества со всеми живущими на территории расширяющегося российского государства народами и народностями, без привлечения их на сторону русских, на защиту созданного русскими государства.

Российский коллективизм включает также *коллективизм в отношении к другим поколениям*, понимание народа как единства живших ранее, живущих ныне и будущих поколений (об это уже шла речь выше). Он предполагает *приоритет моральных норм над правовыми*, восприятие справедливости только тех законов, которые соответствуют действующим моральным нормам, не противоречат им.

Связывая между собой перечисленные выше черты российского менталитета, можно сформулировать его сущность как *постоянное стремление к выходу за рамки существующих, ограничивающих свободное развитие человека*

обстоятельств на основе единства воли и действий всех людей и поколений. Как и всякая глубокая сущность, она является противоречивой. И основное ее противоречие заключается в противоречии между нацеленностью на свободное развитие суперэтнуса в целом и каждого человека в отдельности и необходимостью ради достижения этой цели объединять усилия всех представителей этноса и ограничивать индивидуальные свободы с помощью государства.

Рассмотрим теперь черты общественных отношений, требуемые современным этапом технологического развития человечества.

Происходящие на наших глазах качественные преобразования в области используемых технологий, получившие в совокупности название современного технологического переворота (иногда используются более конкретные и содержательные его названия – «компьютерная революция», «кибернетическая революция» и т. п.), органически связаны с качественными преобразованиями в ряде других сфер, прежде всего – в науке. Поэтому для их более общей характеристики целесообразно использовать понятие (которое в последние годы совершенно неоправданно стало употребляться очень редко) современной научно-технической революции (НТР). Рассмотрение качественных преобразований, происходящих сейчас в сформировавшейся еще в XVIII веке системе «наука – техника – практика (производство)», в их взаимной связи позволяет представить содержание современной НТР в виде совокупности качественных изменений, происходящих соответственно в науке, технике, в связи науки и техники, в производстве.

Сущность этих изменений (сущность НТР) можно определить как *выход человеческой деятельности (как практической, так и познавательной) за пределы обыденного опыта человека, освоение человеком «несоразмерной» человеческому организму части мира.*

На современном этапе развитие производительных сил общества может происходить и происходит практически исключительно в форме развертывания современного технологического переворота, современной научно-технической

революции. Однако эта революция (в ходе которой человек овладевает несоразмерными человеческому миру, а потому опасными для этого мира силами природы) несет с собой и огромные опасности. В частности, ученые не исключают даже того, что в скором времени люди будут в состоянии уничтожить всю Вселенную, воссоздав ситуацию так называемого «Большого взрыва», приведшего к возникновению Вселенной примерно 15 миллиардов лет назад⁵. Поэтому успеха в своем развитии может добиться только то общество, которое создаст наиболее благоприятные социальные условия для развития НТР и использования ее достижений, причем такого, которое не будет угрожать существованию человечества.

На уровне социальной сущности эти условия можно охарактеризовать как *обеспечивающие свободное развитие каждого индивида на основе единства действий всех членов общества, сближения социальных интересов, с учетом интересов будущих поколений, на уровне социально-экономическом – как развитие общественного характера собственности на средства производства*, которое нельзя однозначно связывать с формально-юридическим «огосударствлением» производства. Более подробно содержание НТР и требования, предъявляемые НТР к экономическим отношениям, охарактеризованы в работе⁶.

Все сказанное позволяет сделать вывод, что черты российского менталитета достаточно хорошо соответствуют тем требованиям к общественным отношениям и менталитету населения, которые предъявляются развертывающимся ныне процессом технологических преобразований общественного производства. Это соответствие далеко не случайно и связано с тем, что в технологическом развитии человечества ныне наблюдаются обстоятельства, в определенном смысле похожие на геополитические условия формирования и развития русского народа. Как русский народ с целью выживания своего этноса должен был «выходить»

---

⁵ Leslie J. Risking the World's End // CNS bull. – Toronto, 1989. Vol. 10. № 3. P. 1–6.

⁶ Шульдин Б. П. Собственность и рынок: вопросы методологии // Общество и экономика. 1998. № 1. С. 71–91.

за рамки своего собственного этноса, территории его первоначального обитания, объединяться вместе с другими народами России ради обеспечения свободного развития всех этносов и индивидов на основе совместных усилий, так ныне человечество в целом вынуждено выходить за рамки «человеческого» мира, обеспечивая свободное развитие всех народов Земли и всех индивидов на основе единства их действий.

Таким образом, можно утверждать, что между чертами российской цивилизации и формационными чертами, которые должны преобладать в наступающем веке, существует достаточно хорошее согласие, тот самый «резонанс», который способен обеспечить достойное будущее России.

Но соответствует ли этому образу будущего тот курс рыночных реформ, который реализовывался до недавнего времени в России и который определенные силы опять пытаются возродить и даже активизировать?

Существовавшая в СССР до начала «перестройки» единая громоздкая и медленно действующая административно-командная система управления и организации общественного производства, достаточно хорошо обеспечивавшая развитие производства в чрезвычайных ситуациях (гражданская война, восстановление народного хозяйства после нее, вооружение страны перед началом второй мировой войны, Великая Отечественная война, восстановление народного хозяйства после нее, «холодная война» до достижения военно-стратегического паритета с Западом) и при невысоком уровне развития и дифференциации потребностей людей, не смогла обеспечить восприимчивость народного хозяйства к научно-техническим инновациям эпохи научно-технической революции, удовлетворение все более дифференцируемых потребностей людей, сдерживала их творчество и инициативу. Очевидной стала необходимость формирования рыночной системы хозяйствования, рыночных реформ, поскольку никаких других типов хозяйствования, кроме административно-командной и рыночной систем, не существует (конечно, в реальной практике возможны их различные сочетания). Рыночная система – *это*

такая система хозяйствования и управления общественным производством, в рамках которой соотношение спроса и предложения на рынке товаров и услуг непосредственно через экономическую заинтересованность производителей влияет на производство, в результате чего устанавливается соответствие предложения товаров и услуг платежеспособному спросу. Рыночные реформы в России объективно призваны были развязать инициативу, предприимчивость людей, обеспечив ускорение развития общественного производства путем сближения интересов разных социальных групп, более полной ориентации государства и всего общественного производства (в том числе – в рыночном секторе экономики) на интересы большего числа членов общества. Такое направление рыночных реформ с соответствующим разгосударствлением экономики, обеспечивающим не ослабление, а усиление общественного характера собственности (более подробная характеристика такого направления реформ дана в работе⁷), было вполне возможным, и оно не вступало бы ни в какие серьезные противоречия с российским менталитетом.

В действительности же, начиная с 1992 года, реформы в России пошли по другому пути – с ориентацией на формирование охватывающей все сферы общественного производства и общественной жизни, практически не регулируемой государством рыночной системы. Конечно, некоторые их положительные результаты налицо, прежде всего – в росте экономической активности некоторых слоев населения. Однако негативных последствий проведенных «реформ» гораздо больше.

Какими чертами обладают существующие ныне в России общественные отношения, сложившиеся в результате проводившегося до недавнего времени курса? Эти черты можно охарактеризовать так:

– ориентация практически всех сфер общественного производства на сугубо материальные, сиюминутные и

---

⁷ Шульдин Б. П. Философия и современное общество. О диалогизации философии и современных концепций общественного развития. Нижний Новгород: изд-во Нижегородского госуниверситета, 1993.

эгоистические интересы отдельных социальных групп и индивидов;

– стимулирование индивидуалистической линии поведения членов общества (поскольку наибольшего материального успеха позволено было добиваться людям не путем увеличения их вклада в общественное производство, а через присвоение принадлежавшей ранее государству собственности – решалась задача «формирования стратегического собственника», причем любой ценой);

– слабая (не имеющая авторитета ни у каких социальных групп – ни среди выигравших от проводимых реформ, ни среди проигравших) государственная власть, обладающая ограниченными материальными ресурсами и возможностями (достаточно вспомнить о бюджете России на 1999 год, который меньше бюджета маленькой Финляндии), не способная обеспечить реализацию интересов ни ныне живущего населения, ни – тем более – будущих поколений (достаточно напомнить о том, что ныне российский бюджет формируется преимущественно за счет продажи за границу невозполнимых природных ресурсов, а также о небывалой для нашей страны сумме внешнего долга);

– резкая социальная дифференциация, наличие социальных слоев с огромными доходами, никак не связанными с деятельностью на благо общества и государства, и с доходами, ставящими людей на грань выживания (по некоторым оценкам, 1,5 % населения владеют ныне примерно 65 % национального богатства страны⁸). Очевидно абсолютное несоответствие этих характеристик ныне существующих общественных отношений российскому менталитету. Что касается такой черты этого менталитета, как «всечеловечность», то она в современных условиях лишь снижает возможности выживания и успеха человека, ей обладающего, и ухудшает относительное положение русского населения среди некоторых других этносов России. Такое ухудшение положения самого большого народа России, приводящее к его численному сокращению, не может

---

⁸ Кого считать богатым? // Аргументы и факты. 1998. № 18.

не обернуться, в конце концов, негативными последствиями для российского государства и всех проживающих в нем народов, потерей их этнической идентичности, а возможно – и физическим их вымиранием.

Иногда можно встретить мнение, что в таком противоречии формируемых общественных отношений с российским менталитетом нет ничего страшного (поскольку сам российский менталитет, отличный от западного, лишь мешает «вхождению России в общецивилизационный поток развития», и его необходимо «преодолеть»). С нашей точки зрения, это мнение глубоко ошибочно, во-первых, потому, что при таком игнорировании российского менталитета невозможно будет сохранение независимости России (что приведет к эксплуатации ее народов и природных богатств другими странами в силу вполне естественного их стремления к реализации своих национальных интересов), а во-вторых, потому, что, как уже было показано, российский менталитет в целом вполне отвечает объективным потребностям общественного развития в эпоху научно-технической революции, и его «потеря» не может не вызвать негативных последствий для всего человечества.

Несоответствие проводившейся до недавнего времени государственной политики реформ российскому менталитету уже привело к таким последствиям для российского общества, как ослабление стимулов к производительному труду, к труду на благо общества, падение производства, разрушение наиболее передовых, наукоемких отраслей производства и фундаментальной науки (что снижает возможности дальнейшего возможного подъема производства).

Это несоответствие вызвало постепенное размывание и самих черт традиционного российского менталитета, сокращение их проявлений среди членов общества, «перементализацию» населения России, что снизило возможности ее выживания как самостоятельного государства и как особой цивилизации.

Анализ черт российского менталитета и содержания современной НТР позволяет сформулировать основные требования, выполнение которых позволит сохранить этот

менталитет, русский этнос, самостоятельное существование российского государства и российской цивилизации, обеспечив при этом быстрое развитие общественного производства и выход российского общества из нынешнего глубокого социально-экономического кризиса. К этим требованиям можно отнести следующие:

1. Ограничение рыночной системы, полное выведение из нее (при сохранении отдельных элементов рыночных отношений) таких сфер жизни общества, развитие которых невозможно без выхода за рамки сиюминутных узкоэгоистических интересов отдельных социальных групп, индивидов и даже ныне живущего поколения (фундаментальная наука, системы образования, здравоохранения и культуры), а также сфер, в которых не существует однозначной зависимости между усилиями людей и полученными результатами в силу влияния независимых от людей объективных факторов, например, природных (сельскохозяйственное производство).

2. Высокая доля государственной формы собственности в экономике (по крайней мере, более высокая, чем в большинстве развитых стран Запада).

3. Государственное регулирование рыночной экономики с реализацией двух основных взаимосвязанных целей (целевые функции регулирования): сближения интересов разных социальных групп и ориентации экономики на наиболее перспективные направления научно-технического прогресса.

4. Сокращение чрезмерной дифференциации в состояниях и доходах разных социальных групп, формирование таких отношений распределения материальных благ, которые обеспечивали бы большую зависимость уровня доходов от результатов труда на благо всего общества и государства и возможность физического выживания самых низкооплачиваемых категорий населения.

5. Установление государством потолка цен на продукцию базовых сырьевых и энергетических отраслей.

6. Административный запрет вывоза капитала за пределы страны, ограничение включенности российской эконо-

мики в мировую (развивающуюся в целом в более благоприятных природно-климатических условиях, обеспечивающих низкие издержки производства).

7. Обеспечение большего соответствия государственного устройства и действующих правовых норм нормам нравственности и чертам российского менталитета.

8. Обеспечение соответствия этим чертам деятельности средств массовой информации.

В последние годы наметилась в целом позитивная тенденция приближения реальной ментальности населения России к чертам российского менталитета. Как свидетельствуют результаты некоторых социологических опросов, доля сторонников индивидуалистической модели общественных отношений западного образца среди граждан России в 1993–1994 годах составляла около 30 %, а к 1997 году уменьшилась до 20–22 %⁹, в то время как доля сторонников коллективистской модели общества за этот же период росла, достигнув в 1997 году 45–47 %¹⁰. Это позволяет надеяться на возрождение в ближайшем будущем российского менталитета, на сохранение и успешное развитие российской цивилизации.

Однако чтобы эти позитивные изменения закрепить, нужно формировать не просто некую абстрактную рыночную экономику, а такую рыночную систему, которая соответствовала бы российскому менталитету и требованиям современного этапа технологического развития человечества.

---

⁹ Попов В. Закон ментальной идентичности. Почему реформы в России терпят поражение // НГ– сценарии, 1997. 14 августа.

¹⁰ Горшков М. Что с нами происходит? Экономический и психологический кризис в стране разрушает российскую ментальность // НГ– сценарии, 1997. 15 мая.